

УДК 338.1

Международные санкции и ответные меры: возможен ли позитив для российской экономики?

А.Н. Клепач, заместитель председателя «Внешэкономбанка».

Выступление на заседании диспут-клуба Ассоциации независимых центров экономического анализа

International sanctions and retaliatory measures: is the positive result possible for the Russian economy?

A.N. Klepach, Deputy Chairman of Vnesheconombank. Speech at the Association of Russian Economic Think Tanks (ARETT)

Тема санкций сейчас самая важная. Каковы основные механизмы воздействия санкций на экономику России? Каковы размеры прямых и косвенных потерь российской экономики от действующих санкций и контрсанкций в короткой и длинной перспективе? Какие экономические агенты выигрывают, а какие проигрывают в результате санкций? И какие изменения в экономической политике необходимы для снижения потерь и максимизации выигрыша от санкций?

20 ноября 2014 г. в Ассоциации независимых центров экономического анализа состоялось заседание диспут-клуба «Узлы экономической политики» на тему «Международные санкции и ответные меры: возможен ли позитив для российской экономики?», где заместитель председателя «Внешэкономбанка», заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ **Андрей Клепач** ответил на вопросы аудитории. Мы публикуем сокращенный текст его выступления.

— Я сразу дам ответ, а потом попытаюсь его обосновать. Считаю, что в среднесрочном, а тем более в долгосрочном плане санкции могут дать

позитив для российской экономики. Весь вопрос — как мы их возможности используем.

Если говорить об основных каналах воздействия санкций, то первый канал — это существенное ухудшение доступа к рынкам капитала, что проявилось в резком росте чистого оттока капитала и сужении возможностей для рефинансирования как для корпораций, так и в первую очередь для банковского сектора, он еще более чувствителен к этому.

Второй канал — это некоторое сдерживание или ограничение для нашего экспорта. В явном виде эти санкции пока не проявились, хотя обсуждались в виде возможной следующей волны. Это определенные ограничения наших поставок на европейские рынки целого ряда товаров, начиная от энергоносителей и заканчивая еще достаточно значимыми группами. Иначе говоря, у нас в Европу идет достаточно большой экспорт металлов, и есть квоты, по которым мы их поставляем, экспорт удобрений и другой продукции химической промышленности.

Естественно, возможны санкции на икру, водку в качестве экзотики, точнее, наиболее чувствительного для европейцев и для нас товара, что, если кто помнит, вводилось и в 1983 г.,

после того как наши ПВО сбили корейский «Боинг». Такого рода санкции еще не введены, тем не менее, эта угроза существует.

Третий аспект, который здесь можно выделить (тоже на самом деле очень значимый), — это введение определенных ограничений на расчеты. Они касаются списка ряда предприятий оборонного комплекса, крупных банков; тех лиц и компаний, которые они контролируют, кто тоже попал в известный список. Хотя макроэкономический эффект этого оценить трудно и он, в общем-то, вряд ли имеет сейчас большие размеры, но транзакционные издержки и проблемы для наших банков и компаний это создает. Имеются в виду ограничения на расчеты за поставляемую продукцию военно-технического назначения, на переводы и расчеты в валюте. Все эти расчеты идут через американские банки, счета в них, соответственно идет отслеживание и контроль: поступают ли платежи в те предприятия и банки, которые попали под санкции, каковы сроки этих платежей.

Причем это затрагивает необязательно какие-то операции за рубежом. Условно говоря, любая валютная сделка между Сбербанком и его «дочкой» на Украине или в Белоруссии, как и сделка любого другого банка, попавшего под санкции, в этом смысле проходит через корсчета в США и подпадает под такого рода ограничения. Отсюда, в общем, это существенное ограничение для тех операций, которые проводят наши банки и компании. По сути дела, вопрос даже не в увеличении сроков, а в том, что от ряда сделок, от ряда операций приходится отказываться.

Угроза отключить Россию от *SWIFT* (что было сделано в свое время для Ирана) пока не реализована. Надеюсь, этого все-таки не будет. Но надо понимать, что, конечно, это существенно может выбросить нашу банковскую систему из международной системы расчетов. Хотя, опять же, платежи можно проводить, пользоваться телексом там, где он за рубежом остался, так или иначе, возвращаться к более древним, архаичным формам расчетов.

Четвертый блок санкций — это технологические и секторальные ограничения, которые ведут не только к сворачиванию инвестиций, но и к эскалации запретов на поставки нам современной техники, те точечные секторальные запреты, которые касались, естественно, проектов,

связанных с арктическим шельфом, вязкими нефтями. Причем грань здесь достаточно условная, в том смысле, что фактически под эти санкции может попадать оборудование, которое используется для горизонтального бурения на действующих месторождениях в Западной Сибири, а не только месторождения, связанные с вязкой нефтью, где мы пока и так особо ничего не добываем.

Поэтому технологические проблемы и риски здесь возникают. Степень технологической зависимости у нас просто грандиозна. Причем она намного больше, чем это следует из общих цифр, что мы покупаем на 100 с лишним миллиардов долларов в год машин и оборудования.

Например, наша нефтянка: хотя под санкциями находятся только, как я уже сказал, шельфовые работы и работы на вязких нефтях, фактически можно распространить этот список (вопрос имплементации и трактовки) даже на все оборудование, связанное с горизонтальным бурением. А это значительная часть даже месторождений Западной Сибири, которые находятся на падающей добыче.

Обслуживание месторождений. У нас, за исключением Сургутнефтегаза, практически все обслуживание сосредоточено в американских фирмах или ведется американскими фирмами, но в значительной мере российским персоналом. Поэтому часть специалистов должна была уехать, свернуть свою работу здесь. Тем не менее это создает серьезные риски для самой эксплуатации уже действующего состава скважин и проведения разведывательных работ. И компании вынуждены форсированно предпринимать меры для повышения своей самостоятельности.

Катализаторы. Несмотря на то что у нас были неплохие катализаторы в советское время, да и сейчас еще осталась, практически 80% катализаторов, которые стоят сегодня на нефтеперерабатывающих предприятиях, и почти 100% на автомобилях — это импорт. Так что если прекращается поставка запчастей, то в течение года оборудование останавливается. Я здесь никого не хочу пугать страшилками, но просто надо понимать, что масштаб нашей технологической зависимости очень большой.

Продовольствие. С одной стороны, мы за эти годы достигли очень приличного уровня самообеспеченности. Например, по птице у нас (если

я правильно помню) импорт сейчас меньше 20%. А после того, как мы закрыли импорт из Евросоюза и Соединенных Штатов, можем считать, что это 10%. Тем не менее 80% племенного поголовья птицы — это импорт. И если он прекращается, соответственно через год производство птицы обваливается до непонятно каких размеров, потому что за один год это сложно возобновить. То же самое относится к 80% племенного поголовья свиней и примерно 80% семян под сахарную свеклу, которую мы выращиваем.

В общем, и по многим другим позициям мы очень сильно сидим именно на импортной зависимости. Но это не означает, что кто-то нам это враз прекратит, потому что себе дороже — во-первых, а во-вторых, — это прямая экономическая война. Это вообще уже не вопрос санкций, это вопрос другого режима и вопрос экономической войны.

Но, по сути дела, санкции действительно привели в чувство не только многие государственные структуры, но и сам бизнес, потому что он понял, насколько плотно «сидит на игле», и что с этим что-то надо делать. На мой взгляд, если не брать выступления некоторых депутатов, про автаркию никто не то что ничего не говорит, про это даже и не думают. А вот осознание того, что надо повысить свою технологическую самостоятельность (хотя бы до каких-то минимальных пределов), у всех, я так понимаю, засело достаточно прочно в голове. Проблема только в том, что это процесс длительный. Чтобы фактически сформировать необходимое племенное поголовье той же птицы, потребуется, как минимум, до 3 лет, в свиноводстве — 5–7 лет. Это достаточно серьезный труд: инвестиции и работа специалистов.

Если говорить о технологиях, есть разные оценки. По многим критическим направлениям это все-таки 2–3 года. Опять же, если всерьез этим всем начинать заниматься. Но определенные подвижки есть, и не только в части двойных технологий. Я специально приводил примеры из гражданских отраслей: нефтехимия, газодобыча — здесь начинается определенное обсуждение и выстраивание планов. Надеюсь, что и планы сформируются, и, главное, начнутся конкретные действия.

Выделить эффект чисто санкций от всего остального очень сложно, если это вообще имеет смысл. Не только санкции, а сам геополитический конфликт оказал существенное и значимое

влияние на ситуацию. Потому что есть прямой эффект санкций как некоторых организованных действий, а есть еще не менее существенный прямой эффект антисанкций. Тут есть разные оценки. Но, на самом деле, исходная проблема заключалась в том, что сам по себе геополитический конфликт и тот кризис доверия, который есть между нами, Украиной (где у нас существует взаимозависимость) и Западом начинали оказывать негативное влияние еще до того, как санкции приобрели значимое влияние.

Официальный прогноз по оттоку капитала на 2014 г., если я правильно помню, был порядка 40–50 млрд. Причем он был занижен, т. е. реально мы считали, что он будет выше. По факту, я думаю, мы получим, порядка 110, может быть, 120 млрд по этому году. Фактически, дельта в 60–70 млрд только по линии оттока капитала — это эффект как геополитического конфликта, так и собственно санкций, которые потом были реализованы.

Очевидно, что картина на последующие годы, в том числе на 2015 г., тоже будет связана со значительным оттоком капитала. Есть разные оценки: от 70 до 100 млрд долл., хотя до этого предполагалось, что при нормальных условиях отток капитала может резко снизиться до 20–30 млрд т. е., по сути, 50–70 млрд из экономики уйдут. Помимо давления на курс рубля со всеми вытекающими инфляционными и прочими последствиями, это, естественно, прямой вычет из тех ресурсов, которые могли быть инвестированы в экономику.

Следующий вопрос: а как на долго это все? Базовый прогноз исходил из того, что все-таки мы найдем какой-то компромисс, диалог восстановится, и санкции к концу лета 2015 г. будут отменены. Наряду с этим в официальных документах (это сентябрьский прогноз, корректировка основных направлений денежно-кредитной политики, с которыми вышел Центральный банк) рассматривается и вариант сохранения санкций на более длительное время, т. е. они не отменяются. Правительство с официальным прогнозом не выходило, хотя такого рода прогнозы были сделаны, но, поскольку они не публичные, я их комментировать не могу. Но исхожу из того, что наиболее реалистичный сценарий — это сохранение санкций либо даже в большем формате, чем сейчас, либо примерно в этом же формате, как минимум, до 2017 г.

Хотя, опять же, можно привыкнуть ко всему и научиться жить с чем угодно. И даже те 1970–1980-е — это годы, когда советская экономика, вообще говоря, развивалась, особенно если взять 80-е годы. Там было все: и умеренный рост, и стагнация, а в 1979–1980 гг., если кто помнит, было даже ускорение. Но потом в конце 1980-х было многообразное количество факторов, когда экономика начала буксовать и опять вползла в стагнацию. Еще до проведения всех известных реформ, ну, и развала государства.

Поэтому, так или иначе, при санкциях может быть все. Может быть стагнация, в которую мы и так вползли сейчас, и она может продолжиться, если брать прогноз Центрального банка, и в 2016 г. При том, как сейчас все складывается, это наиболее вероятный сценарий: либо стагнация, либо, с большей вероятностью, — падение ВВП как в силу санкционных эффектов, так и в силу снижения цен на нефть (хотя, я думаю, они отскочат, весь вопрос, когда и на сколько). Поэтому наиболее вероятным, я думаю, будет снижение ВВП в 2015 г., не нулевая динамика. Весь вопрос в том, будет это минус 0,2–0,3% или, при определенных условиях, это может быть и большее падение ВВП.

Но, тем не менее, окно возможностей, для того чтобы расти в этих условиях, есть. И это связано не только с вопросами импортозамещения, но, на мой взгляд, с тем, что проводить ту экономическую политику, которую мы проводили все предыдущие годы и без санкций, в условиях санкций уже не получится.

Во-первых, наша экономическая модель развития все-таки строилась на том, что мы имеем достаточно благоприятную ситуацию с ценами на нефть. В принципе, цена на нефть 80–90 долларов за баррель — это нормально. Я думаю, к 90–100 долларам она поднимется. Но важно то, что она будет стабильна и не станет расти. Все 2000-е гг., если не брать кризисный провал на несколько месяцев, ну, на полгода, мы жили в условиях растущих цен на нефть и растущих объемов экспорта нефти и нефтепродуктов. Сейчас мы скорее придем к ситуации, когда после всех пертурбаций цена на нефть будет более или менее стабильна, и наращивать объемы экспорта мы не сможем: ни нефти, ни нефтепродуктов, ни, по-видимому, газа, с учетом размена между Европой и Востоком.

Во-вторых, наша модель строилась на доступе к мировым финансовым рынкам. Так или иначе, на ближайшие два, а то и три года он будет либо закрыт для части банковской системы, либо сильно ограничен. Потому что переориентироваться на азиатские рынки непросто, это требует времени, собственных издержек. Хотя частично, я думаю, это произойдет. Правда, там тоже все боятся санкций, даже те страны, которые не участвуют в санкциях против России.

И это не вопрос автаркии, я бы сказал иначе: у нас есть неизбежность в том, что мы будем вынуждены формировать другую экономическую политику. Вопрос в том, будет эта политика связана с тем, что мы лежим и просто адаптируемся (со временем можно адаптироваться к чему угодно), либо мы сможем создать такую модель экономической политики, которая обеспечивает развитие. Это, помимо решения вопросов, связанных с импортозамещением, причем особенно технологичным импортозамещением, где нужна серьезная организационная деятельность государства и финансовая поддержка, и мобилизация ресурсов компаний — той же Роснефти и других.

Это вопрос перестройки бюджетной политики, потому что вписаться в бюджетные правила с нашими реформами и без санкций было невозможно, а в условиях санкций — тем более. Либо мы должны их остановить и переходить на платную медицину и платное образование, либо находить компромисс: все-таки идти на бюджетные дефициты и изыскивать ресурсы внутри страны и за рубежом, для того чтобы финансировать его.

То же самое касается валютной политики. Было много споров, но, к сожалению, мы не пошли на то, чтобы создать такой девальвационный запас или заниженный курс рубля, который позволил бы нам амортизировать те шоки, с которыми мы сейчас столкнулись. Я думаю, что из этого урока будут сделаны выводы, хотя из предыдущего кризиса, я так понимаю, мы никаких выводов не сделали. Мы перешли к плавающему курсу, но «плавать» можно по-разному. Вот как плавать — эту модель еще во многом надо выработать.

Понятно, что все рассчитывают на то, что сотрудничество с западными компаниями, в том числе и в технологической сфере, сохранится. Оно и сейчас сохраняется по действующим

проектам. Ищутся пути, как его продолжить там, где сейчас это нормально делать нельзя.

Если говорить о сроках, опять же, — они очень разные. Я уже сказал, что по ряду направлений животноводства, на мой взгляд, это 5–6 лет. В нефтехимии, в ряде секторов, связанных с электроникой, элементно-компонентной базой, в течение трех лет можно действительно целый ряд проблем решить. Хотя есть вопросы, которые мы никогда не заместим, надо искать другие пути решения. Но по многим позициям в течение трех лет это возможно.

Мы продолжаем там, где с нами сотрудничают, работать и с европейскими, и с американскими партнерами. Надо искать новые ходы, новые возможности, чтобы это сотрудничество продолжать. Но есть другой вопрос — переориентация на партнеров в странах более стабильных с точки зрения партнерства и сотрудничества с нами. Отсюда идет поиск переноса заказов, допустим, в той же электронике, в Малайзию, в Китай, где и так много чего заказывалось, даже для оборонки. Поэтому надо то, что мы не можем сделать сами в таком качестве и с такой ценой, делать там, а не в европейских странах, которые прибегли к санкциям.

Все компании, которые я знаю, и все проекты так или иначе завязаны на сохранение технологического сотрудничества и, более того, завязаны, в том числе, на экспортные проекты и в Европе, и на азиатских рынках.

Мы можем, так или иначе, достаточно многое. Поскольку у нашего государства долгие годы не было приоритета какой-то технологической самостоятельности во многих секторах, кроме оборонки, то никаких усилий со стороны государства здесь не предпринималось. Никаких обязательств в отношении компаний, ни когда они приватизировались, ни даже когда они являлись государственными. По сути дела, государство на их технологическую политику не влияло.

Определенный поворот начался где-то с 2011 г., когда государство перед компаниями, которые оно контролирует, такими как Газпром, Роснефть и т. д., поставило задачу, что они выработают так называемые программы инновационного развития, где пропишут, какие технологические проекты они развивают, сколько денег и в какой форме собираются тратить на НИОКР, как будут сотрудничать

с университетами и даже привлекать малый бизнес. Эти программы были разработаны, они реализуются, мониторятся. Другое дело, что, как и большинство наших программ, реализуются где-то по остаточному принципу. Серьезной озабоченности и спроса на это не было, хотя проводились совещания на достаточно высоком уровне, и было несколько попыток разработать программы по развитию отечественного оборудования для нефтегазовой отрасли, но их даже не приняли.

Сейчас ситуация заключается не в том, что нужно отказаться от услуг *Halliburton* или вообще прекратить импорт. Он сохраняется, и сотрудничество сохраняется. Но это означает, что нам надо по ряду направлений иметь свой собственный технологический задел и поддерживать те работы, которые у нас когда-то велись, чтобы не быть стопроцентно зависимыми. Тем более что мы знаем много примеров, когда вводятся прямые запреты, прямые ограничения, и это приводит к тому, что мы проекты должны свернуть или остановить, отложить во времени, в том числе и проекты, связанные с арктическим шельфом. Есть масса вещей, более чувствительных для человека. Медицинское оборудование нам поставляют, но если мы прекращаем производство (а мы его почти прекратили) отечественных рентгеновских аппаратов, то в случае необходимости мы останемся просто без обследований и без всего этого.

Можно сколько угодно честить и вспоминать наш авиапром, но у нас уже сейчас есть прецеденты, и все это может закончиться тем, что нам просто перестанут поставлять запчасти (но, надеюсь, до этого не дойдет). И тогда на чем мы будем летать? Или, точнее, сколько лет еще мы пролетаем, используя «беушные» запчасти и ту технику, которая у нас сейчас есть? Потому что у нас весь авиационный парк, за исключением 20 Ту-204, примерно 15 «Суперджетов» и 148-х, импортный. Поэтому, опять же, это не вопрос, чтобы их заместить. Мы не могли до этого хоть что-то свое продать и на нем летать в России, но иметь хоть какую-то точку опоры — необходимо. И, надеюсь, здесь определенный поворот происходит или начался, во всяком случае, начнется в ближайшее время.

Если говорить о каких-то антисанкциях, сейчас их нет. Оттого, что кто-то что-то не отменит (по-моему, никто особо сейчас не ожидает, что

санкции отменяют), не думаю, что мы будем вводить что-то свое.

Санкции и в том виде, как они введены, уже нанесли и будут иметь существенный негативный эффект для всей экономики в целом и для всего общества. Собственно говоря, на это они всегда и рассчитывались, с тем чтобы создать в обществе недовольство и заставить либо власть измениться, либо общество изменить власть, вплоть до ее смены, — никто секрета из этого не делает. Поэтому, будут ли дополнительные ответные меры с нашей стороны — будет зависеть от того, будут ли дополнительные меры с западной стороны. В случае их значимого введения не исключаю, что какие-то меры последуют и с нашей стороны. Проще говоря, навредить мы можем, но масштабно ответить вряд ли получится.

Мне задали вопрос про ГЛОНАСС — замену *GPS*: как я оцениваю соотношение положительного эффекта с расходами? Понимаете, мы не можем наводить ракеты и самолеты по *GPS*. Тем более у нас есть прецеденты, когда вводится искажающий параметр, в том числе это происходило во время конфликта с Грузией. Проблема в том, что степень покрытия или использования отечественной навигационной системы на порядок меньше, чем у *GPS*. Хотя, с точки зрения космических возможностей, они сейчас применительно к России сопоставимы. У нас сильно отстают наземная база и распространение самих приемных устройств с опцией возможности работы с ГЛОНАСС, а не только *GPS*. Но есть определенный набор требований государства к пассажирскому транспорту, к транспорту, перевозящему химические грузы, есть еще целый ряд требований, который частично эту проблему решает. Поэтому об отдаче сейчас говорить сложно. В целом на ГЛОНАСС потратили, наверное, 100 с лишним миллиардов, и еще потратим, если я правильно помню, на второе поколение около 100. Но сейчас оценивать их эффект пока рано. Тем более что трудно разделить военную и гражданскую составляющие.

Есть более успешный пример — это те меры, которые с 2003 г. предпринимались для стимулирования сельскохозяйственного производства. Потому что их мы действительно провели и создали современное индустриальное производство птицы, кардинально изменив ситуацию

на рынке, так как раньше у нас половина приходилась на «ножки Буша» и импорт из Европы. Мы очень сильно изменили ситуацию и по свинине, но при этом не решили эту проблему комплексно, потому что, как я уже сказал, племенное, маточное поголовье здесь импортное.

Если говорить о тех шагах, которые сейчас предпринимаются, в части сельского хозяйства добавлено 20 миллиардов к той первоначальной программе, которая была утверждена Правительством на этот год. И, я так понимаю, 20 миллиардов то ли добавили, то ли еще добавят на следующий год. Часть из этих денег, помимо покрытия накопившихся долгов, пойдет как раз именно на племенную работу, и в том числе на меры, связанные с импортозамещением по овощам закрытого грунта, где у нас импорт 40–50%, что, в том числе, дает очень большой инфляционный эффект в условиях антисанкций и падения курса рубля. Поэтому определенные шаги здесь предпринимаются. Есть некоторые меры и дополнительное финансирование под двойные технологии и оборонку. Эти решения приняты.

Но масштабных финансовых вложений на импортозамещение действительно нет. Предполагается, что это будет происходить за счет внутренних ресурсов предприятий и кредитного рычага, который сейчас, как вы знаете, по стоимости идет 11–13%, даже для первоклассных заемщиков. Поэтому проблема здесь есть. Но, я еще раз говорю, имеется определенный набор мер, решений, подготовлен план по номенклатуре примерно в 1000 позиций Минпромом, который утвержден Правительством: как, когда и чем определенные критические позиции для оборонки будут замещаться. Поэтому идет перераспределение средств внутри тех программ, которые уже приняты.

Хотя, на мой взгляд, это потребует значительно больших и массивных вложений. И, в частности, это означает, что придется распечатывать Фонд национального благосостояния. По сути дела, это уже сделано — первый шаг, 40%. Но я думаю, что будут тратить 70 или 80%, и все. Но надо, чтобы они тратились не просто на поддержку банков или на некоторые проекты, которые будут развивать и спасать наш нефтегазовый комплекс, а чтобы они были действительно реально привязаны к тем приоритетам, которые завязаны на импортозамещение, на

технологическое развитие, на решение вот этих вопросов структурной уязвимости. Пока такого решения не принято.

В этом смысле наша политика адаптивная, и она достаточно последовательна. Неопределенность возникает не в том, что наша политика непоследовательна: мы как сказали, что будем держаться бюджетного правила, так его и держимся. А в том, что есть противоречия между нашими обещаниями, планами, намерениями и тем, что происходит в жизни. И это создает неопределенность. А мы считаем, что мы как выбрали свой курс, так его и будем реализовывать, ничего не меняя.

Меня спрашивали, насколько и в чем сотрудничество с Китаем может заместить сократившиеся связи с Западной Европой. Опять же с Китаем связано столько страхов, что это больше напоминает страхи американцев, когда японцы приходили на американский рынок, а сейчас американские компании тесно кооперируются с японцами. Значительная часть «Боинг-787» изготавливается из комплектующих, которые делает японская фирма «Скайтек».

Поэтому для нас вопрос Китая — это вопрос диверсификации нашего экспорта, наших зависимостей. И в этом смысле мы зависим от Китая на порядок меньше, чем Европа, у которой взаимосвязь торговли, технологических поставок с Китаем на порядок выше, чем у нас. Мы предпоследние в этом списке. Поэтому, скорее, у нас вопрос другой: а с чем мы готовы прийти на китайский рынок? Мы можем там закрепить, мы можем там инвестировать?

Когда-то, мало кто помнит, но мы были одним из крупнейших экспортеров автомобилей в Китай. Мы там начинали сборку, и сейчас там КамАЗы собираются. Но теперь китайский рынок занят не нами, там «Ниву» или «Жигули» никто не собирает. Там собирают всю линейку европейских, японских и американских машин. И мы скоро здесь будем иметь как китайское отечественное производство, так и поставки китайской продукции.

Значительная часть нашего технологического импорта, допустим, в металлургии, который идет от австрийских, итальянских, немецких фирм, — это все собирается и делается в Китае, там только марка немецкая или австрийская. Все последние станы, которые мы вводили, — это все оборудование, поставленное из Китая,

вместе с китайскими рабочими, но под нашим российским руководством, ну, и с определенным участием.

Поэтому здесь скорее не вопрос, чего бояться, а проблема — бояться того, что мы не сможем на рынке Китая занять серьезные позиции, как, кстати, и на рынке Индии, и тогда мы будем отставать. В долгосрочном плане мы не сможем выиграть от набирающих силу гигантов мировой экономики.

То же самое касается технологических вещей. Китайцы на самом деле развиваются технологически очень быстро. Если у нас расходы на НИОКР 1,1% ВВП, из них у частных компаний — вообще 0,2%, то в Китае уже сейчас 1,78%. Так что скоро мы оттуда не только ширпотреб и металлургическое оборудование будем получать, а в том числе и технологические наработки. И не только в электронике, где мы и так сидим «по самые уши».

Но я что хотел сказать: чем больше Россию загоняют в какое-то безвыходное положение и чем хуже становится, тем, в конечном счете, Россия быстрее собирается и поднимается. Я думаю, что с санкциями (хотя это надолго) произойдет то же самое. Можно сколько угодно говорить, что у нас того нет, специалистов нет. На самом деле есть! Я достаточно много работаю с предприятиями и в электронике, и в «авионике», и в судостроении, и в авиации. Есть сейчас хорошая молодая генерация специалистов — и 20-, и 30-летних. Есть достаточно интересные и серьезные идеи и заготовки. Поэтому есть возможность сделать рывок.

Вот сможем ли мы этим управлять? На мой взгляд, главная проблема даже не в деньгах. У нас и деньги есть, если брать Фонд национального благосостояния с Резервным фондом — это 8% ВВП, это примерно почти 8 триллионов рублей. Там нельзя их все сразу использовать, но, так или иначе, есть ресурс. И никто закрытую экономику не собирается делать — ищут возможности заимствований за рубежом и на азиатских рынках, а это процесс длительный, не такой быстрый. Но возможности есть. Ключевой дефицит — и отсюда главная проблема — как скоординировать это, как управлять. Ну и надо, по-любому, в это верить. Если мы изначально не верим, что мы можем сделать хоть что-то, мы никогда точно ничего не сделаем.